

ТУРНИРНЫЙ КЕЛ

еский АЛЪМАНАХ

Нефтегазстройпрофсоюз РФ: ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ

Поэты ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь»

Людмила ЧЕРНОБРОВКИНА

Валаам

Таинственный северный остров
Средь яростных ладожских вод –
Монашеской строгости остов
И истинной веры оплот.

Известен делами своими
Всем монастырям и скитам,
Пророка библейского имя
Ты носишь не зря, Валаам.

Противостоял искушениям
В разгуле страстей и стихий.
Здесь верили страстным молениям
И чтили завет: «Не убий!»

Века над тобою не властны,
Упадок ты знал и расцвет –
Загадочный, мудрый, прекрасный,
Хранящий духовности свет.

Вновь время твое наступило.
Открытый ветрам и волнам,
Волшебной, магической силой
Ты манишь к себе, Валаам!

К небесной задумчивой сини
Вечерний возносится звон.
Секрет возрожденья России –
Не здесь ли находится он?

Солнца диск улыбнулся прощально
И за синей горою исчез...
Снова струны гитары печальной
Будят звуками сумрачный лес.

Тихо угли костра догорают,
И негромко звучат голоса.
Звуки песен задумчиво тают,
Торопясь улететь в небеса.

Трудный день завершился устало,
И окутала лес тишина.
Полновластной хозяйкою стала
Над притихшей поляной Луна.

Не решить ей извечной загадки,
Почему, бросив дом и уют,
Спят романтики в тесной палатке
И в лесу свои песни поют?

Не умеют ходить осторожно,
Выбирают нехоженный путь.
Что волнует их в жизни тревожной
И ночами мешают заснуть?

Цель высокая, дух благородный
Заставляют стремиться вперед.
Свет далекой звезды путеводной,
Как маяк, их по жизни ведет.

Сосна

Задумчива, печальна и грустна,
Вся в инее, стоит передо мною
«Бальзаковского» возраста сосна,
Чуть тронутая первой сединою.

Что скрыто в тайниках ее души?
Загадочна, прекрасна, одинока –
Принцесса в заколдованной глуши –
Она хранит молчание до срока.

Какие ветры пронесли над ней?
Какие бури выстудили душу?
Я обращаюсь к ней: «Доверься мне,
И я чужую тайну не нарушу».

И чувствую, как в тишине ночной,
В пространстве, занесенном белой вьюгой,
Сосна негромко говорит со мной
И делится печалью, как с подругой.

Я жизнь ее через ночную мглу
Увижу вдруг печальными глазами,
Прижмусь щекой к шершавому стволу
И мерзлый иней обожгу слезами.

Новогодняя сказка

На балу, где изящные ели
В окружении кедров стоят,
В белом вальсе принцессы Метели
Тихо кружится Снегопад.

И проносятся вихрем снежинки,
А поодаль, юна и стройна,
В белоснежной своей пелеринке
В круг танцующих входит Сосна...

В танце маску сменяет маска,
Продолжается волшебство...
Пусть в судьбу нашу входит Сказка
И свершается Волшебство!

Пусть в таинственном звезд сиянии
И в загадочном свете Луны
Исполняются все желания
И сбываются вещие сны!

Владислав КАСПЕРОВ

* * *

Теперь я понимаю, почему
В деревне нашей портится погода.
Не объяснить ни сердцу, ни уму,
Что нет тебя уже почти полгода.

Что ты ушла, покинув насовсем,
Меня в моем сиротском одиночестве.
Ты думала, что это «как у всех»,
А мне тебя обнять до смерти хочется.

И заглянуть в зеленые глаза,
И думать, что все было не напрасно,
И вновь, как прежде, верить и сказать:
«Остановись, мгновенье, ты – прекрасно!»

Шерше ля фам

Я разменял Бог весть какой десяток,
И борода, конечно, в серебре.
Ума и денег явный недостаток,
Но бес, увы, как водится, в ребре.

Люблю я женщин, кажется, с пеленок,
Люблю кокеток-девушек и дам.
Молю судьбу: хватило бы силенок
Лет двадцать повторять: «Шерше ля фам».

Мне кажется, я знаю ваши штучки,
Но в чем секрет, никак я не пойму.
И все равно целую ваши ручки
И поклоняюсь вам, а почему?

Люблю я женщин, кажется, с пеленок,
Люблю кокеток-девушек и дам.
Молю судьбу: хватило бы силенок
Лет десять повторять: «Шерше ля фам».

Ей-богу, мне пора остепениться,
Дать передышку сердцу и уму.
Но я на вас, на всех готов жениться,
И буду верен всем! А потому...

Люблю я женщин, кажется, с пеленок,
Люблю кокеток-девушек и дам.
Молю судьбу: хватило бы силенок
Еще хоть раз шепнуть: «Шерше ля фам».

Одиночество

Я валяюсь у моря, смакую свое одиночество.
Что-то чудится в шелесте
сонной, унылой волны.
Ничего мне не надо, ничего мне не хочется,
Богом проклятому без вины.

Не хочу я, не жажду ни блеска,
ни славы, ни почестей,
Не пытаюсь я с неба холодные звезды хватать.
Вон плывет ко мне туча: коль хочет,
пусть даже помочится,
Мне сегодня на все – плевать.

Я валяюсь у моря, как рыба,
на берег брошенный.
Там, за морем, за дымкой
вдали голубые края.
Замерзает душа
под солдатской шинелью изношенной...
Покатилась, погасла звезда...
Может, это моя?

Я вернулся

Я вернулся в мой город,
где был счастлив когда-то,
Где наполнен был радостью
каждый мной прожитый час.
И сегодня прошу вас: примите,
как друга, как брата.
Я вернулся, вернулся,
вернулся к тебе, Лангепас.

Я вернулся в мой город
дорогою трудной и длинной,
Меня встретил тревожный
и сладкий малиновый звон.
Умоляю принять
непутевого блудного сына,
И молюсь на кресты,
и кладу за поклоном поклон.

Я вернулся сюда на крутом,
на лихом повороте,
Здесь друзья протянули мне руку
с теплом и добром.
Поживите с мое,
поскитайтесь, как я, и поймете,
Как приятно вернуться
в родной и покинутый дом.

Я вернулся в мой город
холодным осенним рассветом,
Но не знаю еще,
то на счастье или беду...
Я пришел за мечтой,
за своею судьбой, за приветом,
И уверен, отсюда уже никуда не уйду.

Константин МУРЗИН

Лето

В небесах дымящейся жары
Ласточки узоры вышивают.
Памятник внизу у берега реки
О былом тихонько вспоминает.
Разбрелись леса до горизонта,
Звонко купола
на солнце заиграли.
Торжество, такая благодать...
Лето перемешано с мечтами,
Не надышишься.
Я буду все подробно вспоминать
Зимними холодными ночами.

Улыбка

Души восторг от яркости природы.
Кузнечик пел в траве,
И солнце ликовало.
Зеленые леса смешались с небом синим.
Я б раствориться мог
В гармонии Вселенной.
Вдруг тучи набежали,
Темно вокруг все стало.
Но знаю, ненадолго.
Отгромыхают грозы,
Умоется природа,
Листья упруге станут.
И птицы защибечут...
И я не то чтоб старей,
Но вдруг помолодею.
Лицо в улыбке спрячу,
И, может, подobreю.

Наталья РОДНЫХ

Городок Урай

Покидая отчий край,
Просим мы: не забывай
Милый город и друзей,
Хоть в столице веселей.
Нет там тихих узких улиц,
Не найти знакомых лиц,
Толчея и суета...
Шум, проспекты, блеск – мечта!
И хотя покой лишь снится,
Пусть хранит тебя столица.
Если грусть вдруг закрадется –
Лучик солнца улыбнется.
Вспомни наш чудесный край –
Славный городок Урай!
Где невздам вопреки,
Рады всем плановики!

Бюджет

Студенчество – хорошая пора,
Над книгами сидишь ты до утра,
И в них не сразу можешь ты понять,
Что экономика тебе – родная мать.
Познав ее основы до конца,
Наступит просветление лица,
Сумеешь дебит с кредитом свести –
И свой бюджет в порядок привести.
Тогда уж со спокойною душой,
Верстать пора тебе бюджет «большой».
Все на работе будет идти гладко,
Хоть иногда бывает нам несладко,
Понятной и родною станет смета
Едва в окошко постучится лето.
И скоро асом станешь ты в работе,
Не морща больше лоб в большой заботе,
Ты без вопросов будешь точно знать,
Как верно калькуляцию создать.
Летать уже не будешь в облаках,
Когда диплом появится в руках...
Ну, а пока все это лишь мечты,
За толстой книжкой дни проводишь ты.
Расти, студент, дерзай, зубри, учись,
Работай и, конечно, не ленись!

Елена ПОДДУБНАЯ

Благодатный дождь

На раскаленный город
обрушилось небо дождем,
И так по асфальту его сгоряча колотило,
Как будто сердитая мать мальчугана умыла,
Из суетной пыли
он должен быть к жизни рожден.

У разноспешащих возникло всеобщее дело –
Они отбивались от ливня, от хлещущих пут.
Как ловкий портной,
дождь одеждам придал формы тела,
Явив человеку его первоизданную суть.

Дождь так разъяренно
по лицам прохожих хлестал,
Хотел достучаться –
и вдребезги сам разбивался.
Умаявшись, тихо заплакал, устал...
И вот на асфальте
зеркальной лужей остался.

Заболею чужою болью,
Затоскую не о своем.
И похмелье, вслед за весельем,
С кем-то вместе переживем.

А когда пустота немая
В дом заманит и дверь запрет,
Я надеюсь, я верю, знаю,
Кто на помощь ко мне придет...

Не шейте платьев из надежд –
Надежды портятся от времени.
Они ложатся тяжким бременем
На плечи мудрых и невежд.
Чем Бог подаст давайте жить,
День народится – с солнцем встретимся.
Он призовет, мы не отвертимся,
К чему о будущем тужить.

Солнцем залиты кварталы,
За моей спиной тень.
Было б глупо хаять Север
В этот жаркий летний день.
Знаю, завтра от прохлады
Утром съежится трава.
Здесь в тайге у нас погода,
Как клиент, всегда права.
Вечер холодом придавит,
Утро выправит теплом.
А за северные льготы
Счет оставит на потом.

Поэты ООО «ЛУКОЙЛ-Коми»

Валерий ПЕТРУШИН

Родина

Горные хребты, равнины,
Лес, поля, ручьев стремнины –
Все, что вижу и пою,
Своей Родиной зову!
Человек, идущий в поле,
Конь, гуляющий на воле,
Дети плещутся в пруду –
По своей земле иду!
По горам иду, равнинам,
По речным плыву стремнинам,
По лесам бреду дремучим –
Родина любить научит!
Это солнце, это небо,
Твои губы в белом, белом
Молоке, что в крынку льется,
Это Родиной зовется!

Круги творенья

Идя по жизни, не спеши,
Не надо мерить дни шагами.
И помни: каждый шаг в пути
Судьба разносит вдаль кругами.

Поступки, мысли и дела,
Что протекли в одно мгновенье,

Оставят след в твоей судьбе
И предрешат ее свершенье.

Есть три пути, чтоб жизнь прожить,
В делах свой замысел свершая.
В них помыслы твоей души
Судьба, свершаясь, отражает.

Путь первый – как в реке ладья.
Ты в ней плывешь, отдав теченью
Свои поступки и дела,
И жизнь не тратишь на решенья.

Меж берегов идущих лет,
Как есть, судьбу свою воспримешь
И все, что в ней произойдет,
Лишь взглядом молча ты окинешь.

В пути втором – твоя судьба
Зависит от твоей гордыни.
Она поступки предрешит,
Раздавит или ввысь поднимет.

Вверх поднимаясь над толпой,
Ты будешь рушить все преграды.
И лишь величье и успех
Душой воспримешь, как награду.

Путь третий – только доброта,
В нем нет упрека и сомнений.

Любовь и добрые дела,
Смиренье, труд, узда терпенья.

Осознавая каждый шаг,
В нем доброту свою оставишь.
И никогда в своем пути
О притязаньях не заявишь.

Мой милый сын! Твоей судьбе
Хочу я только лучшей доли.
Ты сам ее определи,
Сознанием укрепляя волю.

Из трех путей избрав один,
Ты пустишь в мир круги творений.
Но помни: добрые дела
Не терпят гордости и лени.

Великий старец

В глухом лесу, на солнечной опушке,
Где листьями дубрава шелестит,
На пне замшелом в черном одеянье
Великий старец, глядя в даль, сидит.
Одной рукою он сжимает посох,
Другую на колено положил.
Прямую спину прикрывает волос –
С чела спускаясь, серебром блестит.
В глазах – цвет радуги
застыл в момент рождения,
Взгляд величавый и простой,
в нем мудрость лет.

Над головою нимб сверкает ярким солнцем,
Неся округе теплый, добрый свет.
На посохе уселся старый ворон,
Он голову небрежно вниз склонил.
Взгляд черных глаз, познания жизни полон,
Прошедших лет скитаний он хранит.
У ног босых веселою гурьбою
Лесные птицы подбирают хлеб,
Щебечут весело – то садут, то взлетают,
В траве выискивая вкусный свой обед.
Над всей опушкой доброе знамение,
Великой радостью покрыто все вокруг.
Великий старец – мудрость и смирение –
Открыл источник, камень отвернув.

Сад будущего

Нет ничего прекрасней на земле,
Чем дерево взрастить рукою доброй.
Его у дома рядом посадить,
В тени сидеть, разглядывая крону.
Рукою гладить теплую кору
И с деревом словом ласковым общаясь,

Вопросы задавая лишь ему,
В безмолвии ответ свой получая.
Нет ничего прекрасней на земле,
Чем сад взрастить, любовью согревая.
Его цветенье детям подарить.
И видеть радость, сердцем замирая.
Оставить след в живых ростках любви,
Что памятью живой расскажет детям
О чистоте твоей простой души,
Которую, быть может, не заметят.

Виктория ТЕРВОНИНА

Я люблю Усинск

Я люблю этот город, где красавцы дома,
Этот северный город, где сурова зима.
Я люблю этот город среди моря тайги.
Этот северный город у широкой реки.

Мы не дали друг другу
в трудный час умереть,
И мы с ним одной крови, похожей на нефть.
С нефтяною историей, с нефтяною судьбой –
Для меня лучший в мире этот город родной.

Я люблю вас, усинцы, вы особый народ,
Каждый капельку сердца своего отдает.
И зимою теплеет от сияния глаз,
Согласитесь, усинцы: лучший город у нас.

Прадед

Прадед мой был охотник,
Ходил с ружьем по лесам,
Звался смотрителем леса
И верил чудесам.
Он точно знал, где русалки
В лесных озерах живут.
Видел, как легкие феи
Нектар с колокольчиков пьют.
Лес он прошел не однажды,
Вдоль и поперек.
И даже с лесным лешим
Здороваться за руку мог.
Птиц узнавал по пенью,
Читал следы на снегу...
А я вот, к сожалению,
Этого не могу.

Вахты на Харьяге

Дальняя дорога, снег да туманы,
Едут на Харьягу вахты караваном.
Сквозь тайгу и тундру дальний путь лежит,
Белая дорога лентою бежит.

Стынут на морозе вышки буровые,
И спешат на вахту парни удалые.
Им мороз не страшен, не пугает стужа,
Они знают точно – труд их очень нужен.

А вокруг стеною ели в белых шубах.
Вахты у штурвала, нефть бежит по трубам.
Так кипит работа – тает даже лед,
Принимай, Россия: наша нефть идет!

Я жду тебя

Где сосны зимой запорошены,
А летом мошка и гнус,
Ты помни: в краю замороженном
Я жду тебя не дождусь.

Где реки с водою студеною,
Болота кругом без дна,
Ты помни: с тоскою зеленою
Я здесь пропадаю одна.

Где наша любовь птицею
Тоскливо кричит над водой,
Скачусь я слезинкой с ресницы...
Мне очень плохо одной.

Откуда приходят стихи

Нежданно приходят стихи,
удачные и неудачные,
Они, как воздух, легки
и, как вода, прозрачные.
Когда их совсем не ждешь,
когда их никто не просит,
Их напеваешь дождь,
их птицы на крыльях приносят.
Откуда приходят стихи, хорошие и не очень.
Иные подскажут глаза,
которые светятся счастьем,
Другие нальет гроза,
ворвутся они с ненастьем.
Одни принесет пурга,
насыплет на листик снегом,
Другие в весенний день
рассыплются звонким эхом.
Откуда приходят стихи?
Да просто из ниоткуда.
Из первой большой любви
рождается это чудо,
Из шума и блеска реки,
из солнца лучей и света...
И то, что они пришли,
я им благодарна за это.

Нефтегазстройпрофсоюз РФ

Юрий БОНДАРЕНКО Русская церковь

Перезвон над городом,
Божий Благовест.
И над церковью гордой
Православный крест.

Далеко до матушки –
Русской стороны.
Речка катит камушки,
И всплывают сны.

В них и синь высокая,
Золото полей,
Дева волоокая,
Ржание коней.

Срубы по-над речкою,
Колокольный звон...
Русь моя извечная,
Я в тебя влюблен!

Веришь ли, не веришь ты,
Но в чужом краю
Я помолюсь неистово
За страну свою.

Слова

Слова умеют ранить больно,
Слова умеют приласкать.
То могут пощутить прикольно,
А если нужно, то соврать.

Вселить надежду может слово,
А может веру подорвать.
Слова все объяснят толково,
Кого-то могут обозвать.

Слова в любви нам признаются,
Способны выразить разрыв.
Слова за деньги продаются,
И в них покорность и порыв.

И открывая рот для речи,
Подумай, что тебе сказать.
А то торопимся мы вечно,
Слетело слово – не поймать.

Спринтер

По дорожке, как по нервам,
Я лечу, хочу быть первым.
И другим меня, быть может, не понять.
Напрягаю все резервы,
Чтоб у этой жизни-стервы
Ну еще хотя бы миг один отнять.

Не могу бежать в полсилы.
Ну и пусть порвутся жилы,
Но рекорду в этот раз не устоять.
Не за премии и гранты,
Что обещаны Гарантом, –
За победу жизнь готов свою отдать.

На табло секунды скачут.
Я уже устал, как кляча,
Только первым бы мне ленточку порвать.
Кровь в висках стучит, как молот.
Я бегу пока что молод,
Но от времени, увь, не убежать.

Поэты ОАО «Татнефть»

Иван ВИНОКУРОВ

Край родной

Край, где вышки в снегу,
Край, где нефть добывают,
Я люблю, берегу
И в стихах воспеваю.
Это он сделал жизнь
И полнее, и краше,
Это он поднял ввысь
Город юности нашей.
Это он намочил
Жарким потом рубаху.
Это он научил
Глубине и размаху.

Бежит речка

На альметьевских просторах
Белый снег лежит.
Возле города родного
Речка Зай бежит.
Вся в снегу, гляжу, реченка
Устремилась вдаль,
Словно юная девчонка
Завернулась в шаль.
А за нею буровые
Вышки там и тут.
И недаром нефтяною
Речку все зовут.
Эту речку-невеличку
Полюбил и я.
И вошло уже в привычку
Звать ее: «Моя!»

Весна

Дымятся по утрам разливы,
В оврагах шепчутся ручьи,

И по весеннему счастливо
Полощет солнышко лучи.
У тополей смолисты почки
И кажется: они вот-вот
Свои зеленые листочки
Букетом вскинут в небосвод.
Сегодня радость в каждом взгляде.
И жаворонок сверлит высь.
Лишь коршун, сидя на ограде,
Рычит на кошку лихо: «Брысь!»
Воробьишки ликуют рядом
И лезут в лужу, как мальцы.
А солнца шар висит над садом
С завесой желтою пыльцы.

Первопроходцы

Спросите небеса и ветры,
Палящий зной, мороза стынь,
Как не легко даются метры,
Когда вгрызаемся в пласты.
Рассвет спросите – он расскажет,
Как вяжет мускулы рычаг,
И часто в стужу возле скважин
Дымятся куртки на плечах.
Мы крепче каменной породы,
И мы затем сюда пришли,
Чтоб по стальным нефтепроводам
Струилась к людям кровь земли.

Подари самый трудный маршрут

Жизнь, пойми, я немного прошу:
Паруса надо мной подними,
Подари самый трудный маршрут
В синем небе хотя бы на миг!
Дай упрямые весла мечте
И навстречу ветрами подуй.

Дай найти самому в темноте
Не открытую кем-то звезду.
Я у жизни немного прошу,
Хоть вообще я просить не привык:
Подари самый трудный маршрут
В синем небе хотя бы на миг!

* * *

Скучных я боюсь людей.
Боюсь живущих без идей.
И тех боюсь, кто очень смело
Берется на словах за дело.
Я доверяю тем без боли,
Кто носит на руках мозоли.
Такие не кричат везде
О благе, что всегда в труде.
Они его и там, и тут
Для всех руками создают.

Дмитрий МАТВЕЕВ

ЭТО БЫЛО

Снова память упрямо
Возвращает в былое:
Улыбается мама
Над быстрой водою.
Мочит ноженьки босы,
Сарафан голубой.
Ее светлые косы
Расплелись за спиной.
Память – старые шрамы,
Память – судьбы России.
Улыбается мама,
Молодая, красивая.
Я совсем еще юный.
Я иду с мамой в воду...
Это было в июне
Сорок первого года.

* * *

О доме родимом услышу –
И разом встают предо мной
Дымок над покатою крышей,
Колодец и ставень резной,
Речушки крутые излучки...
Речушка у нас – красота!
Какие водились в ней шуки –
Мы брали их прямо с моста.
А, помню, вернешься с ночного,
И дед, «закусив удила»,

Баском зарокочет сурово:
«Такие, брат, в мире дела.
Уже заграбастали Польшу,
Оравую прут на Восток...»
А мать о своем: «Ты побольше
Накладывай каши, сынок».
Не думал тогда я, что «гости»
Заявятся в наши края,
Что лягут рядком на погосте
И дед мой, и мама моя.
Я в те времена огневые
Яснее начну сознавать:
Одна у народа Россия,
Россию нельзя потерять.

Буровики

У девона в плену истомились пласты
Нефтяные.
Мы идем в глубину
Сквозь кремнистые тверди земные.
Наши руки черны.
Наши мысли светлы, как рассветы.
Будет нефть у страны,
Значит, вырвутся
В космос ракеты.
И по трассам земли
Запоют свои песни моторы.
И уйдут корабли
Бороздить океанов просторы.
По тайге наш маршрут,
По зыбучим песчаным барханам.
Мы приходим – и бьют
Из земли нефтяные фонтаны.

Обыкновенный народ

В Прикамье, где вьюга сугробы грудит
И в лица порошею жесткой пылит.
Я видел: нефть добывают люди,
Берут из самых глубин земли.
«Берут», – это сказано слишком просто.
Попробуй пробиться сквозь толщу пород.
А люди те обыкновенного роста.
Обыкновенный рабочий народ.
Ну, разве что духом покрепче при этом,
Да силы побольше в надежных руках,
Их подвиг, как громкую славу поэта,
Не затмить и в грядущих веках.

*Поэты ОАО «Ангарская нефтехимическая компания»***Ольга ГИЗАТУЛИНА****Дожди**

Гляжу в окно – который день дожди.
 Продрогло сердце в комнате притихшей,
 И никуда не хочется идти,
 Пой или плачь, да разве кто услышит?
 Есть в одиночестве такая пустота!
 Рассвет и ночь – один безвольный прочерк.
 Пугающая белизна листа,
 Усталая неприветливость строчек.
 То кажется: земля остановилась,
 То чудится: не обрету себя.
 О, Господи! Скорей бы прекратилось
 Тяжелое падение дождя.

* * *

О, как непросто все в моей судьбе,
 Не знаю, кто в календаре напутал,
 Я все еще принадлежу тебе,
 Хотя давно принадлежу кому-то.
 И где мой дом, наверно, не скажу:
 Тот, где живу, нельзя назвать мне домом.
 Я в нем еще тебе принадлежу,
 И в нем давно принадлежу другому.
 Он – это мир, неведомый, большой.
 К нему стремлюсь я, обжигаясь, веря.
 Ушла бы я давно, но так мешают двери,
 Заботливо прикрытые тобой...

* * *

Катился зрелым яблоком сентябрь,
 Из ульев пчелы изгоняли трутней,
 Колодец ведра поднимал, кряхтя,
 Водой студеной наполняя будни.
 День затихал, пускалась ночь в разбег,
 Последние лучи отогревали крыши,
 Меж окон мухи доживали век,
 В стерне сновали полевые мыши.
 Врезалась в небо первая звезда,
 Алмазом раздвигая бесконечность...
 Пока живешь, не торопись туда,
 Где нет земного, где покой и вечность...

Друзья и враги

Врагов моих не много и не мало:
 Спасибо, Бог, что наградил меня!
 О, я без них, наверно, не знала
 Ни темной ночи, ни лихого дня,
 Ни горьких слез, ни суматохи лишней,
 Ни страшных слов, ни хитростей ума:
 Моих врагов побереги, Всевышний,
 Своих друзей я сберегу сама.

Антонина ГРИБАНОВА

* * *

Какой быть женщина должна?
 Объем суждений разных;
 Неповторимая она –
 Загадкой дразнит...

Стремилась гордой быть она,
 В чертах эпох брала приметы.
 Вместила боль,
 Судьбу планеты.

Какой быть женщина должна?
 Спроси мужчин, они без шуток:
 Давно не женщина она.
 Быть женщиной
 Ей не хватает... суток.

Вадим БОГАТЫРЕВ

Б а с н и

Барсук-библиофил

Барсук в литературе не кумекал,
 но перед модой стоя начеку,
 в своей норе собрал библиотеку,
 чтоб хвастаться... навозному Жуку.

Актуальное интервью

Хавронья всем давала интервью –
 Как нужно дочь воспитывать свою:
 – Детей воспитывать не просто –
 учитывайте сложность бытия!
 Горжусь, что доченька-подросток
 ведет себя, как... взрослая свинья.

Скандал на вернисаже

Вчера в браслетах и корсаже
 Свинья была на вернисаже.
 И чуть не лопнули глаза:
 в таком же шарме... шла Коза.
 Свинья козе: – И ты уже в браслетах?!
 Красотка! Огородная Джульетта!
 Кончай, мерзавка, рандеву –
 детали выясним в хлеву!
 Коза в ответ: – Глядите, как строга!
 И сразу хрюшку – на рога!
 И распластались на паркете
 среди картин, при высшем свете.
 Зачем хавронье вернисажи,
 Козе – диеты и массажи,
 козь скотство – прямо наяву?!
 Тоска. Сидели бы в хлеву.

Попрыгунья-синица

– Красавчик мой! Мне хочется влюбиться,
я замужем ни разу не была, –
пропела трижды разведенная Синица,
сядась на лоб женатого Осла.
Осел сомлел, разнежился:
– Вы – чудо!
Когда совсем он в нежности раскис,
Синица упорхнула на Верблюда,
жующего сухой, колючий лист.
Но вдруг взметнулась огненная грива:
донской Рысак прошел невдалеке,
Синичка зачирикала игриво
и в тот же миг была на Рысаке.
Верблюд взревел:
– Изменница! Иуда!
Она в ответ:
– Пойми, дружок, меня:
я в том сезоне падала с Верблюда.
Уж если падать –
так с высокого Коня.

Владимир АФЕНДИ

Маяк

Опять в большое плавание
По долгу моряка
Я ухожу из гавани при свете маяка.
Черты твои, любимая, растаяли за ним,
Как стая голубиная,
Как папиросный дым.
Но я на то не сетую –
Есть счастье для меня:
Вернуться в гавань светлую
В лучах его огня.
Вернуться. И ревнуя,
Сквозь папиросный дым
Увидеть, как целует волна твои следы.
А ты летишь навстречу мне,
Прозрачна и легка,
Как радостью подсвечена лучами маяка.
Давай припомним: в той дороге
Всегда была ты от меня
На расстоянии тревоги,

На расстоянии огня...
Не все метели отсвистели,
Но ты надежду не туши
На расстоянии метели,
На расстоянии души.
И станет в бурю небо выше,
И полыхнет огонь в крови, –
Мне б только знать, что кто-то дышит
На расстоянии любви!

Осенний сад

Хмельной от яблочного духа,
От солнца, как пацан, рябой,
Мой сад таинственно и глухо
Молчит вечернею порой.
Плоды его не шевелятся,
Сад в состоянии таком,
Что хочется к нему прижаться
И вместе с ним дышать легко...
И предрасветная не зря
Тревога в кронах просквозила,
Как будто в сердце сентября
Личинкою вползло предзимье.
Среди обветренных стволов,
Во глубине листвы и веток
Сад держит августа тепло,
Как золотую память лета!

Нина ЯМЩИКОВА

Военное детство

Военное строгое детство,
Тревога у каждой семьи.
Отцы оставляли в наследство
Дела и заботы свои.
Мы хлеб убирали на поле,
Косили траву в сенокос,
Учились настойчиво в школе,
А в лютый сибирский мороз
В заплатанных ветхих шубенках
Пилили дрова дотемна,
И вместо отцов похоронки
Нам щедро дарила война.

О А О « Л и п е ц к о б л г а з »

Александр РЯУЗОВ

Ветеранам

Слегка согнули спину годы,
И голова совсем седа.
Боль той войны, ее невзгоды
Пройти не могут без следа.

Но в этот день вновь засияет
Ваш добрый и усталый взгляд.
И на груди опять сверкает
Победный блеск святых наград.

Забыв про боль, забыв про раны,
В один из самых светлых дней

Вновь соберутся ветераны,
Чтоб помянуть своих друзей.

Спасибо вам, отцы и деды,
За то, что сделали для нас:
За подвиг ваш, за День Победы,
За этот тихий, мирный час.

К вам беспощадно было время,
Увы, не легче и сейчас.
Но вы и ваше поколение
Примером служите для нас.

Диалог о пользе газа

За деревней солнце село,
Зимний вечер наступил.
Вдруг решительно и смело
Дед с женою в спор вступил:
«Ну, ответь-ка, мой дружочек,
И зачем был нужен газ?
Сколько всяких заморочек
Стало с ним теперь у нас:
Столько кнопок, ручек, планок,
Что кружится голова.

Лучше, бабушка, спозаранок
Я б ходил колоть дрова.
Не спеша топил бы печку
(Жаль, что больше ее нет),
Было там мое местечко,
Где я грелся столько лет».
«Да, – промолвила бабуля, –
Что тебе сказать в ответ?
Подзаелся ты, дедуля,
Говоришь не то, мой свет.
Лучше вспомни, как зимою,
Чтоб во двор не выходить,
Вечно матерясь со мною,
Начинал ты печь топить.
С газом жить-то стало лучше,
Ну не жизнь, а благодать.
А теперь меня послушай,
Чтоб тебе не забывать, –
Подвела итог старушка, –
Как все это запустить,
К бабушке Мане за «чекушкой»
Надо меньше бы ходить.
Лучше б ты на почту сбегал,
Нам за газ пора платить,
А потом сидел бы трезвый,
Чтобы правила учить».

Поэты ОАО «Биохимик»

Маргарита ЛУКШИНА

Стихи о дочери

Незаметно, тихо, украдкой
Опустилась на землю ночь.
Засопела в своей кроватке
Непоседа-малышка дочь.

Разметались ее волосенки
По подушке, как будто пух.
Ненаглядной моей девчонке
Чуть побольше годочков двух.

Распрямились бровей подковки,
Спит – и с нею заснул весь мир.
Только смотрит луна-плутовка
Из окошек чужих квартир.

Я так люблю с тобою поболтать
О том, о сем, как с лучшей подружкой.
В ночное небо глядя, помечтать,
Иль старые перебирать игрушки.
Ты «Арией» увлечена всерьез?
Я тоже, дочка, все хиты их знаю.
И если «Пропаганда» запоет,
Я ей тихонько с кухни подпеваю.

Подружек различаю голоса,
Басы ребячьи: «Позовите Машу!»
Я знаю, как тебе идет коса –
Ты с нею как-то выглядишь постарше.
Онегина не одобряем мы,
Смешное ищем в гоголевских строчках,
Взахлеб читаем книжки о любви...
Какою же ты взрослой стала, дочка!

Месяц по небу бродит, хмурясь.
Засыпай-ка, моя дочурка,
Закрывай поскорее глазки,
Ну, а я расскажу тебе сказку.

Сказка, знаешь, такая штука:
Вам – забава, а нам – наука.
В ней Царевич по свету бродит,
Несмеяну свою находит.

Серый волк тут же Принцем станет,
Гром средь ясного неба грянет.
В жизни, доченька, все иначе:
Чаще мы не смеемся – плачем.

Принцы нас не всегда находят –
Больше серые волки бродят.

Не теряет перо Жар-птица,
И все чаще хмурые лица.

Но не надо, родная, плакать.
Верю, будет с тобой удача.
Он придет к тебе, Принц из сказки!
Закрывай поскорее глазки.

* * *

И хочется, закрыв глаза, мечтать –
Но прошлое назад уж не вернется.
И хочется от счастья зарыдать –
Но сердце тихой болью отзовется.

Мечтаю вновь любить, любить, любить –
Но опадают листья на деревьях.
И хочется скорее все забыть –
Но помню все, люблю и жду, и верю.

* * *

Сгорают осень. В час заката
Дождинка на траве чиста.
Но верю я, что без возврата
Не может сгинуть красота.

И вновь в заветный час ночной,
Когда по травам шарит ветер,
Она вернется тишиной
И грустной музыкой из света.

Наталья ЗАДАЛЬСКАЯ

* * *

В эти дни и остальные
Я тоскую о тебе,
Многогочья, запятые
Расставляя по судьбе.

Дух томится в моем теле.
Как же скучно в одиночку!
Ну, когда же в самом деле
Я в судьбе поставлю точку?

В эти дни и остальные
Не хватает мне вниманья.
Как расставить мне иные
В жизни знаки препинанья?

* * *

Я бродила по этим местам,
Где когда-то встречалась с тобой.
Но покрылись зеленой травой
Все ступени в покинутый храм.

Я бродила, и тени ветвей
На дорожке плели кружева.
Я твердила себе, что права,
Что любовь засушил суховец.

Я запуталась в наших следах,
В паутине средь прожитых дней.
Только сердце стучало сильней –
Оно с разумом вновь не в ладах.

Тамара ВОЛКОВА

* * *

Туманы таяли, дышали,
Ложились влагой на луга,
И звезды с месяцем играли,
Цепляясь за его рога.

И серебрились шапки сосен,
Желтели кепки у дубов,
И не спала хозяйка-осень
Над новым выводком грибов.

Кленовых листьев звездно-красных
Воздушный, пламенный чертог
Ложился на ковер прекрасный
И лету подводил итог.

На выставке С.Д. Эрзи

Робко шепчутся в этом зале,
Где плывет ирреальный туман.
И куда бы вы взор ни бросали,
Он охватит девичий стан.
И замрете пред этим изгибом
Чьих-то губ и капризных бровей...
Боже! Это же просто диво –
Не живая, а всех живей.

* * *

Коснись руки моей, хотя б нечаянно,
Чтоб вспыхнуть и растаять от отчаянья,
Как мартовский последний снегопад.
А капли с крыши бьются невпопад,
Настойчиво твердят себе, твердят,
Что быть весне, большим и шумным водам
И чисто-голубому небосводу,
И морю света, зелени вокруг,
И нежности больших и сильных рук.

* * *

Какая тишина! И мир весь дремлет,
Прохладен воздух, первоначально чист.
Но соловей, певец любви издревле,
Как никогда, сегодня так речист.

Поет залиvisto и так красиво,
Когда цветут черемухи кусты.
Пастух с мобильником лениво
Обходит луг в туфлях из бересты.

Несун

Р а с с к а з ы

Про этот случай мне рассказала соседка, за давностью лет признав его всего лишь курьезным. А произошло это в те годы, когда еще и зарплату платили вовремя, и деньги на самое необходимое водились, только вот в магазинах кое-чего не было. Например, половой краски, которую даже где-то, как-то, через кого-то купить-достать было трудно. Проще украсть, если плохо лежала.

Вот и показалось моей соседке, что в цехе, где работал ее муж, не так уж хорошо лежала густотертая половая краска, нужная ей в то время для ремонта квартиры. Но поскольку полиэтиленовых мешков-пакетов тогда не было (как только мы без них жили!), соседка посоветовала своему мужу завернуть краску в плотную бумагу, обвязать веревочкой и спрятать поближе к телу, чтобы через проходную вынести.

– А куда это ближе к телу? – упирался соседский муж. – Это у вас в кофту или под юбку черта можно спрятать. А мне куда?

– А туда же! – убеждала соседка мужа. – В трусы! Она же густотертая, в бумаге. Прижмишь резинкой, затаишь брючным ремнем и шагай смело!

Не знаю, выпросил мужик краску или стибрил, но упаковал он ее точно по инструкции жены. Спрятал тоже, как она велела, и через проходную прошел благополучно. Но общественным транспортом ехать не решился, вдруг кто-то что-то заметит, зашагал напрямиком через лес. Благо, жил он на окраине города и до дома всего ничего.

Может, и ладно бы, без конфуза обошлось, но увязалась за мужиком табельщица из их цеха: «Ой, Петрович, я тебе компанию составлю! Воздухом подышим, веселее будет!»

А была эта табельщица бабенкой дюже веселой, все про всех знала. Кто с кем шашни завел, кого жена застукала, а кто сам жену в угол загонял. И все это в картинках, с юмором рассказывала, прямо эстрада.

А мужику не до эстрады, идет ни живой, ни мертвый. Чувствует, что густотертая краска по закону физики разогрелась, стала пожиже и в объеме увеличилась. Из пакета бумажного, язвы ее, вылезла, ползет до колен, вот-вот из штанин потечет.

Не выдержал мужик, сел на пенек и говорит попутчице: «Шагай дальше одна, что-то у меня живот схватило!» Достал из штанов разорванный пакет с остатками краски, отбросил подальше, а брюки и трусы снял дома, швырнул жене: «Вот тебе красочка, половая, густотертая! Попробуй теперь, ототри!»

– Ну, трусы-то я в мусорку кинула, – рассказывала соседка, – а брюки изнутри были выпачканы. Оттерла скипидаром!»

Чем оттирали все другое, соседка не рассказала.

Кеха, Тимоха и балалайка

Это воспоминание из детства, мне было тогда двенадцать лет. Жила я в деревне, у бабушки с дедом, в большом деревянном доме на берегу Ангары. А Кеха с Тимохой были нашими квартирантами, они в ту зиму, 41-го года, учились на курсах трактористов.

Кеха с Тимохой были братьями, но совсем друг на друга не похожими. Младший, Тимоха – рослый, черноволосый, буйно-кудрявый, с большими тяжелыми руками. А Кеха – невысокий, на полголовы ниже брата, со светлым чубчиком над широким лбом и грустными серыми глазами. И руки у него были узкие, с длинными тонкими пальцами.

Эти их руки я особо запомнила, потому что оба – и Кеха, и Тимоха – играли на балалайке, а я под их аккомпанемент пела. Песни тогда были в основном о гражданской войне, для того времени еще не далекой. О героях Щорсе, Чапаеве, о встречах и разлуках с любимыми. Но больше других помнится такая:

Шли по степи полки со славой громкой,
Шли день и ночь со склона и на склон.
Ковыльная родимая сторонка,
Прими от красных конников поклон.

Последние две строчки мой детский голос поднимал на такую высоту, что он звенел, как жаворонок. А Тимоха, склоняясь кудрявой головой к тонкому грифу балалайки, старался помочь мне, и в глазах его, такого большого и сильного, блестели слезы...

С Кехой мы пели реже, и песни были другими – «Светит месяц», «Коробочка», «Степь да степь». Но играл он не так вдохновенно, только улыбался поощрительно и говорил потом: «Молодец! Артисткой будешь!»

А летом, в конце июня, началась война, и Кеха с Тимохой в первые же дни получили повестки из военкомата. К нам они зашли попрощаться, а вечером должны были сесть на пароход и плыть в областной город на сборы, для отправки на фронт. Но бабушки с дедом дома не было, парни решили подождать их.

День выдался жарким, Тимоха снял с себя рубаху и остался в майке. На Кехе был пиджачок с каким-то значком на лацкане, он тоже снял его и аккуратно повесил на спинку стула. И сапоги снял, а сам лег на стоящую в сенях кровать-топчан, закинул руки за голову и закрыл глаза, намереваясь вздремнуть. Тимоха сел к столу, уронив на него тяжелые руки, и обратился ко мне:

– Как живешь, пташка-певунья, как учишься?

Ну, если взрослый дяденька вдруг проявил интерес к моей жизни и учебе, то нужно откликнуться, и я тотчас притащила свои школьные тетрадки, дневник, ведомость об окончании четвертого класса, чтобы дяденька посмотрел мои оценки, отметил достижения, так как училась я неплохо и ждала похвалы. К тому, что Тимоха усадил меня к себе на колени, я отнеслась терпеливо, хотя чувствовала себя неудобно: его руки мешали мне перелистывать дневник. И уж совсем растерялась, когда Тимоха начал целовать мои голые плечи и спину, я была в легком сарафанчике.

Пытаясь освободиться, я уже рвалась из его рук, но вырваться было невозможно: Тимоха еще плотнее прижал меня к себе и начал всхлипывать, повторяя:

– Птичка моя! Пташка-певунья! Кончились наши песни, пропаду я!

Это уж было слишком, я закричала:

– Кеха! Кеха! Проснись, помоги мне!

Кеха проснулся, сел на кровати, протирая глаза и ничего, как видно, не понимая. Но все же он очнулся, вник в ситуацию, подошел к нам и, не надеясь разжать руки брата, поднял их над столом. Я поспешно вынырнула из-под них, отпрыгнула от Тимохи и убежала на улицу из сеней. Там, под навесом, стояли ведра с водой, я зачерпнула ковш, ополоснула лицо и плечи, потом, затихнув, услышала голос Тимохи:

– Да, идиот я! Да, дурак! А что я сделал? Поцеловал девчонку-малолетку? А может, больше я никого не поцелую! И ничего уже в моей жизни не будет! Никого и ничего! Это ты со своей Томкой успел!..

...В том же году, осенью, мать Кехи и Тимохи получила похоронки. Оба брата погибли «смертью храбрых», как было написано в тех бумажках. Почерневшая от горя, с сухими от выплаканных слез глазами, мать еще что-то говорила моей бабушке, а уж она потом сказала мне:

– У Кехи-то невеста была, погулял он, сын родился. А Тимоха и погулять не успел.

В память о сыновьях в избе их матери долго висела на стене балалайка. Потом она подарила ее внуку, сыну Кехи.

Владимир МЕШКОВ

Когда идет дождь

Р а с с к а з

Люблю затяжные дожди. Что-то есть в их монотонном шептании и промозглой сырости, какое-то ощущение спокойствия и постоянства.

В дождь мне иногда кажется, что он будет идти вечно. Конечно, рассудок подсказывает, что это невозможно, но когда идет дождь, я не слушаю рассудка – я слушаю убаюкивающую музыку дождя. Иногда я брожу по городу счастливый, удивляя своей мокрой фигурой не любящих дождь горожан.

А что может быть лучше, чем мокрому насквозь завалиться в гости к хорошим, немного чокнутым, как и я сам, людям, у которых самое уютное место в квартире – кухня? Но столе уже парит, покрываясь матовой дымкой, рассыпчатая картошка, блестит, отливая синевой, атлантическая селедка, расплзаются по тарелке маринованные маслята, а посередине стоит запотевшая бутылка «Охотничьей».

Я сижу в хозяйском свитере (все мое добро сохнет в ванной) на привычном месте у окна и слушаю говорливого хозяина, изредка бросая взгляд на мокрую улицу. Отсюда, с высоты четвертого этажа, видны только зонты и крыши машин.

– Нет, Володя, все-таки в нашей жизни еще много странного и непонятного, чему наука не в состоянии дать объяснение. – Игорь сидит за столом в красной майке, лицо его, добродушно округлое, покраснелось, коротко подстриженные волосы прилипли к высокому с наметившейся лысиной лбу. Он разливает водку по рюмкам: – Возьми те же летающие тарелки с пришельцами...

– За космическое содружество! – Я чокаюсь с хозяином и опрокидываю в себя холодную жидкость, которая жаром протекает по нутру.

Игорь оживает.

– Вспомни хотя бы фильм «Вскрытие инопланетянина». Сколько там всего не поддающегося земной логике. Строение инопланетянина, останки «тарелок», всякие механизмы.

Я оглядываюсь, за окном уже темнеет. Свет от фар четкими пятнами ложится на асфальт.

Жена Игоря с детьми в деревне. Я вообще одинок. Завтра воскресенье. На улице дождь. А, значит, можно говорить хоть до утра.

– Ну, знаешь ли, вот насчет этого фильма... Меня в нем многое настораживает и смущает.

– Не понял... – Игорь пристально смотрит на меня, оставив кружку.

– Все, что показано в фильме, очень логично с земной точки зрения. То есть, практически это то, что укладывается в земное сознание как нечто инородное для этой планеты. Я не знаю, что за существо кромсали американские военные хирурги, но несмотря ни на что, на все эти прибабасы, это что-то вполне постижимое земным, человеческим сознанием и вряд ли может быть инопланетным. Все эти шесть пальцев, глаза под роговой оболочкой, отсутствие явного разделения внутренних органов...

– Ну, не знаю... – Игорь задумчиво потянулся за картошкой. – Ты меня не убедил.

– Я и не хотел тебя убеждать, – отдав предпочтение селедке, отвечаю я. – Просто высказывал свои сомнения. По-моему, инопланетян надо искать не в «тарелках».

– А где же? – поднял глаза хозяин, потянувшись к бутылке.

– Ну, хотя бы среди чокнутых холостяков и старых дев. На мой взгляд, это абсолютно подозрительные, с земной точки зрения, личности.

– Держи. – Игорь протянул мне стопку. – И чем же они подозрительны?

– Они? – Я посмотрел сквозь водку на друга... – А тем, что лишены основного инстинкта, присущего всему земному, – инстинкта продолжения рода. Кстати, в эту компанию можно свалить и сексуальные меньшинства.

Закусываем молча. Дождь за окном усилился. Ощущая пьянящий букет «Охотничьей», селедки и ржаного хлеба, я счастливо пялюсь в законную темноту. Что еще нужно человеку: хорошая закуска, приятный собеседник, шелестение дождя за окном...

Да, я люблю дождь! И как же мне не любить его? Во время дождя и низкой облачности связь со станцией слежения на космической орбите прерывается. Я становлюсь свободным, как ветер. Я бесконтролен и могу не думать о том, как отнесутся в неведомом Центре к моим мыслям и поступкам. Я люблю эту планету, люблю затяжные дожди. Только в такие дни я бываю по-настоящему счастлив.

